...ность, если французская пре... останется неизмѣненной и общее соглашеніе достигнуто не будетъ, заключить трой ственное соглашеніе между «океанскими» державами: Соед. Штатами, Великобританіей и Японіей.

Пока существовала надежда на возможность такого соглашенія, ни Великобританія, ни тѣмъ болѣе Соед. Штаты и слышать не хотѣли о политическихъ гарантіяхъ. Но когда стало извѣстнымъ, что Японія отвергла выработанное сен. Гилоутъ и посломъ Матсуайрой соглашеніе и продолжаетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ настаивать на полномъ удовлетворенія своихъ требованій (70 проц. американскаго тоннажа въ категоріи большихъ крейсеровъ и паритетъ съ Америкой въ категоріи подводныхъ лодокъ), и когда съ другой стороны выяснилось, что по настоянію Адмиралтейства Великобрита-нія намѣрена внести въ тройственное соглашеніе оговорку о томъ, что она сохраняетъ за собой право повысить тоннажъ своего флота въ зависимости отъ французской программы (что сдѣлало бы проблематическими всѣ цифры тройственнаго соглашенія), — то Великобританія и Соед. Шта тамъ ничего не оставалось, какъ ни примириться съ полнымъ проваломъ конференціи, а слѣдовательно и съ англо-американскимъ соглашеніемъ, или искать выхода въ общемъ соглашеніи хотя бы и очень непріятной цѣной предоставленія Франціи новыхъ гарантій безопасности. По соображеніямъ по внутренней политики, какъ утверждаютъ въ Лондонѣ, или по какимъ другимъ, но и Макдональдъ и Хьюзъ предпочли другой путь.

Сущность новыхъ предложеній сводится въ общихъ чертахъ къ слѣдующему: Франція, Англія и Италія заключаютъ между собой регіональный средиземноморскій пактъ, къ которому впослѣдствіи могутъ примкнуть и остальныя средиземноморскія державы. Пактъ этотъ предусматриваетъ лишь принятіе мѣръ, имѣющихъ цѣлью въ случаѣ опасности конфликта пре...ніе ея къ чему участвующія въ немъ державы не обязываетъ, а онѣ вольны принять или отвергнуть рекомендованныя мѣры.

Какъ видно изъ изложеннаго, никакой рѣчи о военномъ союзѣ въ проектѣ средиземноморскаго пакта нѣтъ. Проектъ есть лишь примѣненіе принциповъ Женевскаго протокола къ средиземноморскому бассейну. Естественно, однако, что какъ участіе въ немъ накладываетъ на подписавшія его страны извѣстныя юридическія обязательства, такъ и участіе въ совѣтнаго пактѣ морально обязываетъ помогать, по всякомъ случаѣ, нарушителю мира. Это понимаютъ всѣ, и участіе Соед. Штатовъ въ этомъ пактѣ значительно облегчаетъ положеніе Англіи, гарантируя ей отъ возможности конфликта съ Соед. Штатами, какой теоретически былъ бы вполнѣ возможенъ, если бы Америка, не участвуя въ совѣщательномъ пактѣ, стала бы, напримѣръ, продолжать торговать съ страной готовой напасть на другую и подвергнуться поэтому опредѣленнымъ, предусмотреннымъ Совѣтомъ, санкціямъ (блокадѣ).

Будутъ ли эти предложенія приняты конференціей, и спасутъ ли онѣ ее отъ краха, — сказать трудно. Несомнѣнно, во первыхъ, какъ отнесется къ нимъ англійское общественное мнѣніе, и будетъ ли совѣтскій пактъ ратифицированъ американскимъ сенатомъ. До сихъ поръ сенатъ и слышать не хотѣлъ о какомъ либо участіи въ европейскихъ спорахъ, а англійское общественное мнѣніе крайне враждебно относилось къ принятію на себя Великобританіей какихъ-либо новыхъ обязательствъ. Во вторыхъ, — и это очень важно, — остаются нерѣшенными вопросы объ итало-французскомъ паритетѣ и объ японскихъ домогательствахъ.

Единственное, что можно сказать, это что конференція единулась съ мертвой точки, и что мы стоимъ передъ послѣдней попыткой спасти ее.

Л. Неманов.

(«Наѣстія», 26 марта).

Взяточники на биржѣ труда

Въ Московскомъ окружномъ судѣ началось слушаніемъ дѣло группы сотрудниковъ московской биржи труда, бравшихъ взятки на учетъ лишенцевъ и посылавшихъ ихъ на работу. Къ отвѣтственности привлечено 38 человѣкъ. Лишенцы шли очереди опредѣлялись на любую работу, не по спеціальности, за взятки въ размѣрѣ отъ 100 до 200 рублей. Послѣ обильнаго кормленія регистраторы биржи Демаинъ и Нечаевъ, вмѣстѣ съ другими служащими, опредѣляли на работу своихъ «клиентовъ». Заведены были даже особые «вербовщики», которые знакомились съ лишенцами и ближними торговцами и заключали съ ними договоры объ опредѣленіи на работу.

(«Вечер. Москва», 25 марта).

Вѣсти отовсюду

— Въ Нью-Іоркѣ распространились слухи объ отставкѣ палача тюрьмы Сингъ-Сингъ, Роберта Эліота. Въ теченіе одного дня около 200 кандидатовъ заявило о желаніи занять этотъ постъ. Палачъ получаетъ 150 долл. за каждый «сеансъ».

— Бенешъ выѣзжаетъ въ Парижъ для переговоровъ о восточныхъ репарраціяхъ.

— На 75 году жизни въ Турнэ скончался извѣстный латинистъ, проф. Стампини.

— Въ Ганоп (Индокитай) слушалось дѣло участниковъ попыталія на сахарной постъ въ Іенъ-Бай. 39 человѣкъ приговорено къ смертной казни.

— Полотно знаменитаго англійскаго художника Ромнея продано американскому коллекціонеру за 90.000 долларовъ.

БОЛЬНЫЕ:

по вѣсамъ болѣзнямъ, поѣздите за совѣтомъ Institut de Radiologie et Electrothérapie Médicale, 52, rue de Botzby.

Читайте объявленіе на послѣдней страницѣ

Не больше 3 процентовъ

Президіумъ ВЦСПС, въ связи съ участившимися случаями вычетовъ изъ рабочей заработной платы разнаго рода единовременныхъ взносовъ, предложилъ профсоюзнымъ организаціямъ озаботиться тѣмъ, чтобы такого рода вычеты не превышали трехъ процентовъ (исключая партійные взносы) мѣсячнаго заработка. Всѣ виды отчисленій должны носить исключительно добровольный характеръ. Воспрещено также удерживать черезъ конторы заводоуправленій отчисленія на культурно - бытовыя и общественныя цѣли.

(«Трудъ», 26 марта).

Безплатныя консультаціи

ПО ВОПРОСАМЪ КАРТЪ Д-ИДАНТИТЭ, ПАСПОРТОВЪ, ВИЗЪ И Т. П.

Завтра въ 6 час. вечера, въ помѣщеніи «Послѣднихъ Новостей» (51, рю Тюрбиго) состоится консультація по вопросамъ карть д-идантитэ, паспортовъ, визъ и т. п.

„Нетусторонние равнины"

Берлинъ, 28 марта (соб. кор.).

Берлинская полиція занята въ настоящее время разслѣдованіемъ чрезвычайно любопытнаго дѣла, грозящаго непріятными послѣдствіями для цѣлаго ряда русскихъ бѣженцевъ. Полиція узналась нѣсколько дней тому назадъ напасть на слѣдъ организаціи, занимающейся вербовкой лицъ, еврейскаго происхожденія, желающихъ вступить въ бракъ и не имѣющихъ требуемыхъ германскими законами документовъ.

Эти лица, лишенныя возможности заключенія гражданскихъ браковъ въ предѣлахъ Германіи, выѣзжали — по преимуществу членовъ «организаціи» — на чехословацкую границу. По законамъ Чехословакіи бракъ, заключенный равнимъ, имѣетъ полную гражданскую силу. Съ цѣлью заключенія подобныхъ браковъ въ цѣломъ рядѣ пунктовъ на германско-чешской границѣ — въ Вейдертѣ, Кадзенѣ, Куттенплацѣ и Боденбахѣ — въ опредѣленныхъ мѣстахъ, чехословацкіе раввины, за вознагражденіе отъ 60 до 200 марокъ производили всю необходимую церемонію, не требуя предъявленія почти никакихъ документовъ. Бракующіеся при этомъ находились на германской территоріи, равнимъ же на чехословацкой. Подобнымъ образомъ былъ заключенъ не одинъ десятокъ браковъ.

Германскія власти предполагаютъ въ ближайшіе дни опубликовать распоряженіе, по которому всѣ подобные браки будутъ объявлены недѣйствительными и дѣти, рожденные отъ этихъ браковъ — внѣбрачными. Распоряженіе это коснется частично многочисленныхъ эмигрантовъ-евреевъ изъ Россіи и лимитрофныхъ государствъ, прибѣгнувшихъ къ помощи чехословацкой «бракной организаціи».

Балъ прессы

Традиціонный веселый Балъ Союза Журналистовъ прошелъ очень оживленно. Залы Лютеціи были переполнены. Студія О.О. Преображенской показала цѣлый рядъ интересныхъ балетныхъ представленій, свидѣтельствующихъ о большой работѣ нашей прославленной артистки. Особенный успѣхъ у публики имѣли маленькія балерины и сольныя выступленія Тамары Тумановой и Инны Юшкевичъ.

Какъ всегда, съ исключительнымъ мастерствомъ и блескомъ пѣла Л. Я. Лупоковская. Прекрасно звучалъ могучій басъ К. Т. Жуковича. Чудесно декламировала стихотворенія И. А. Бунина артистка М.Х.Т. — М. А. Крыжановская и съ большимъ искусствомъ прочелъ разсказы Зощенки — П. Н. Аслановъ.

Талантливую танцовщицу Балу Рейнъ съ ея партнеромъ г. Владимировымъ публика проводила громкими аплодисментами. Тонко и изящно былъ исполненъ З. Ефимовской вальсъ изъ «Ромео и Джульеттъ». Въ нѣсколькихъ романсахъ показала очень пріятный голосъ и школу Алекс Хуншарія. Послѣ концерта начались танцы, прерываемые кабаретными номерами. Балъ затянулся до утра.

С.

Maisonnette de Passy 32, rue...

Завтрак 4 бл.—14 фр. Обѣдъ—20 фр. à la carte. Блины. Изысканн. кухня.

Архивное дѣло

Этотъ нѣтлинный старичекъ, по фамиліи Фисунъ, состоялъ въ нашей земской управѣ архиваріусомъ. Онъ его молодыхъ сослуживцевъ все потѣшалъ въ немъ; и то, что онъ архиваріусъ, и не только не находитъ смѣшнымъ это старомодное слово, а напротивъ, повышаетъ его очень высоко, и то, что его зовутъ Фисуномъ, и даже то, что ему за восемьдесятъ лѣтъ.

Онъ былъ очень малъ ростомъ, круто дугуъ свою сухую спинку носилъ престари лый костюмъ: длинный базарный пиджакъ изъ дета то сѣраго и громадные солдатскіе сапоги, въ прямыя и широкія голенища ко торыхъ выше колѣнъ уходили его тонкія, на ходу качающіяся ножки. Онъ очень плохо слышалъ, — если Хвеуна хотѣ ворчалъ подолгу? — говорили управленскіе сторожа, съ хохлацкой насмѣшливостью поглядывая на его сѣдую, всегда холодную косовопую уши; онъ трясъ отъ старости головой, голосъ имѣлъ мутный, ротъ вялый, и ничего, кромѣ полной усталости и тупой тоски, не выражали его выцвѣтшіе глаза. Прибавьте къ этому еще рыжій солдатскій бушлатъ, покусокъ кагорнаго ему и вы представите себѣ Фисунъ на улицѣ по избѣжаніе полной потери слуха, прибавьте толстыя чорныя на сгибахъ, всегда какъ жаръ горѣющихъ отъ жажды, — фигура то получится и вирмъ потѣшная. Но мало того, — такой потѣшной наружности и характеръ соотвѣтствовалъ потѣшный.

Секретарь, бывшій семинаристъ, недаромъ называлъ Фисуна Харонъ. Фисунъ, какъ и уже сказалъ, былъ убѣжденнѣйшій архиваріусъ. Служить онъ начелъ лѣтъ съ четырнадцати и служилъ исключительно по архивамъ. Со стороны ужасуться можно было: чуть не семьдесятъ лѣтъ просидѣлъ человѣкъ въ этихъ своихъ сводчатыхъ подземельяхъ, чуть не семьдесятъ лѣтъ проникалъ въ ихъ полутемныхъ ходахъ и все подписывалъ да присургучивалъ, грубыми печатями припечатывалъ ту жизнь, что изъ дня гдѣ то наверху, при свѣтѣ дня и солнца, въ въ должный срокъ шествовала долу, въ эту смертную архивную сѣнь, грудами пыльнаго и уже ни единой жизнь дуюнѣ непужнаго хлама загромождая полки! Не самъ то Фисунъ не находилъ въ своей судьбѣ ровно ничего ужаснаго. Напротивъ: онъ полагалъ, что ни единое человѣческое дѣло немыслимо безъ архива.

— А сжеди справка понадобится? — говорилъ онъ — и тверда былъ увѣренъ, что фраза эта неотразима.

Въ подземелѣ, до сводовъ заваленномъ докладами и отчетами, сидѣлъ въ ту пору и я, ближайшій сосѣдъ Фисуна, библіотекарь управы, тоже, значитъ, Харонъ и всегда холодныя косовопыя уши; онъ тресь отъ старости головой, голосъ имѣлъ мутный, ротъ вялый, и ничего, кромѣ полной усталости и тупой тоски, не выражали его выцвѣтшіе глаза. Прибавьте къ этому еще рыжій солдатскій бушлатъ, покусокъ кагорнаго ему и вы представите себя Фисунъ на улицѣ по избѣжаніе полной потери слуха, прибавьте толстыя чорныя на сгибахъ, всегда какъ жаръ горѣющихъ отъ жажды, — фигура то получится и вирмъ потѣшная. Но мало того, — такой потѣшной наружности и характеръ соотвѣтствовалъ потѣшный.

Секретарь, бывшій семинаристъ, недаромъ называлъ Фисуна Харонъ. Фисунъ, какъ и уже сказалъ, былъ убѣжденнѣйшій архиваріусъ. Служить онъ начелъ лѣтъ съ четырнадцати и служилъ исключительно по архивамъ. Со стороны ужасуться можно было: чуть не семьдесятъ лѣтъ просидѣлъ человѣкъ въ этихъ своихъ сводчатыхъ подземельяхъ, чуть не семьдесятъ лѣтъ проникалъ въ ихъ полутемныхъ ходахъ и все подписывалъ да присургучивалъ, грубыми печатями припечатывалъ ту жизнь, что изъ дня гдѣ то наверху, при свѣтѣ дня и солнца, въ въ должный срокъ шествовала долу, въ эту смертную архивную сѣнь, грудами пыльнаго и уже ни единой жизнь дуюнѣ непужнаго хлама загромождая полки! Не самъ то Фисунъ не находилъ въ своей судьбѣ ровно ничего ужаснаго. Напротивъ: онъ полагалъ, что ни единое человѣческое дѣло немыслимо безъ архива.

— А сжеди справка понадобится? — говорилъ онъ — и тверда былъ увѣренъ, что фраза эта неотразима.

Въ подземелѣ, до сводовъ заваленномъ докладами и отчетами, сидѣлъ въ ту пору и я, ближайшій сосѣдъ Фисуна, библіотекарь управы, тоже, значитъ, Харонъ и всегда холодныя косовопыя уши; онъ тресь отъ старости головой, голосъ имѣлъ мутный, ротъ вялый, и ничего, кромѣ полной усталости и тупой тоски, не выражали его выцвѣтшіе глаза. А Фисунъ изнурялся въ трудахъ и заботахъ съ ранняго утра до самаго вечера, нулучалъ тринадцать съ поствной и даже терялся, не зная, куда дѣвать такую уйму золота, — настолько были ограничены его житейскія потребности. Два рубля въ мѣсяцъ зарабатывалъ онъ при началѣ своего служебнаго поприща въ архивѣ опекунскаго совѣта, и то благодарилъ Бога, а если и «не чуялъ подъ подой собой отъ радости», достигнувъ послѣ десятилѣтней службы въ сиротскомъ домѣ четырехъ рублей съ копѣйками, то не чуялъ вовсе не изъ корысти: единственно потому, что это былъ оказалъ уже не мелкой сошки, а полнаго господина архивныхъ нѣдръ, сказалъ архиваріусъ.

Въ управѣ онъ служилъ чуть не съ перваго дня ея существованія. И какъ служилъ! Не знаю, когда онъ просыпался. Но думаю, что не позднѣе четырехъ утра, потому что жилъ онъ очень далеко, не въ городѣ, а за городомъ, въ голубой хатѣ среди огурцовъ предмѣстья, нарѣзъ своими расчищенными сапогами и перетаскивалъ ихъ очень медленно, и все таки являлся въ управу ровно въ шесть. Бывало, еще солнце не успѣетъ пятнать тѣнистыхъ и росистыхъ садовъ, еще плывно и горно вилъ ласточки по деревянными «пѣшеходамъ» грудастая хохлушки съ коромыслами черезъ плечо, съ махотками молока и конопляками вишенъ, еще пусть базаръ и по утреннему чисто, бѣлы улицы, а онъ на своемъ бушлатѣ и болотныхъ сапогахъ уже посѣщаетъ. Сторожа, которыхъ бы пить онъ стукомъ въ дверь управы, не рѣдко посылали на подъѣздъ съ тверьмы наѣдоменъ надавать ему въ шеи; да жаль все таки былъ онъ не простой человѣкъ, не свой братъ сторожъ, а архиваріусъ. Сторожа ругались, плевали, стыдили его: не онъ былъ упрямъ — и таки добился, что они смирились, привыкли къ его стуку по стекламъ въ зари.

При такомъ служебномъ рвеніи можете себѣ представить, когда онъ покидалъ управу! Вотъ уже кончается долгій лѣтній день, уняли изъ управы не только столоначальники, но даже самые послѣдніе писцы, и гулко раздаются въ пустыхъ отдѣленіяхъ свободные голоса сторожей, грохотъ передвигаемыхъ столовъ и стульевъ; а Фисунъ все еще бродитъ въ своихъ темныхъ подземныхъ, въ дугу согнувъ свою худую спину, держа въ бѣдной, обезображенной ревматизмомъ рукѣ пылающій огарокъ и заблудясь осматривая полки съ книгами дѣлъ; а на землѣ надъ городомъ, въ блескѣ опускающагося солнца, дрожащій багъ собирается колокола, призывая пиваленъ и старухъ къ вечернѣ; ложатся тѣни отъ крышъ и садовъ, и указываются благотушествовать у раскрытыхъ оконъ необъятные и стремительные горожане; а Фисунъ только еще голову бушлатомъ закутываетъ и стучитъ колотушкой въ полъ, расчекая своего подчиненнаго — за то, что тотъ опять явился сегодня въ управу чуть ли не въ семь часовъ, чуть не на цѣлый часъ позже своего прямого начальства.

— И бачу, бачу ваше поведеніе! — глухо кричитъ онъ, стоя возлѣ входа въ архивъ, подъ широкой лѣстницей, ведущей во второй этажъ, и глядитъ съ тоской, злобой и отвращеніемъ.

Да, какъ это ни смѣшно, у Фисуна тоже былъ подчиненный! И этотъ подчиненный пренаглецъ называлъ его иногда тиранимъ, и что всего страшнѣй, не безъ основанія: характеръ у Фисуна былъ дѣйствительно не легкій. Всѣ управленіе старикъ, кое-что знающее о личной жизни Фисуна, въ слухъ голосъ утверждали, что онъ и въ семьѣ тиранитъ: что онъ весь вѣкъ держитъ въ истинномъ сженыхъ рукавицахъ свою жену, робкую и безхарактерно преданную ему старушку, кое чѣмъ торгующую на базарѣ, что она слова лишнаго не смѣетъ сказать при немъ и всегда съ самой трогательной заботливостью, до сердечнаго пота начинаетъ какъ-то уже его сапоги на порогѣ своей хаты. Какъ же могъ послѣ этого не боятся Фисуна выше упомянутый подчиненный его, Луговой? Фисунъ шамкалъ, горбится отъ разражанія все круче, почти касаясь хвостомъ пиджака сапожныхъ голенищъ, и крѣпко стучитъ костылемъ, а тотъ, хотя и хмурится, да все-таки молчитъ, не поднимаетъ глазъ. Это былъ большой и угрюмый хохолъ, коренастый мужикъ въ лаптяненомъ костюмѣ, долго работавшій на почтѣ по части заливанія и вытягиванія посылокъ и на конецъ, попавшій въ управу на постъ «помощника архиваріуса». Онъ однимъ щелокомъ могъ прицибить Фисуна, но вѣдь для по наѣстію, что сила не въ самой силѣ, а въ той власти, съ которой связана она А что Фисунъ обладалъ былъ властью, что Фисунъ чувствовалъ себя очень строгимъ начальникомъ и заражалъ Лугового своимъ чувствомъ, — въ этомъ не было на малѣйшаго сомнѣнія. Говоря по совѣсти, дѣлъ (и совсѣмъ не смѣшныхъ) было въ архивѣ очень мало. Но Фисунъ отличался удивительнымъ умѣніемъ находить ихъ и работать такъ кропотливо, что работы и заботъ оказывалось всегда на горло. И онъ умывался ими, онъ замучивалъ Лугового — особливо осенью, передъ земскими собраніями, когда въ управѣ шли вечерняя занятія, въ которыхъ для архива не было ни малѣйшей надобности и которыя, тѣмъ не менѣе, Фисунъ «назначалъ неукоснительно.

Само собой разумѣется, что далеко не всегда, — и, прежде всего, по причинѣ своей глубокой старости, — ощущалъ онъ себя на постепеномъ власти. Да и умалялась она сторожами, которые часто брали на него, находя, что онъ вѣчно мѣшаетъ имъ подъ лѣстницей, вѣчно «вертится подъ ногами». Не всегда, конечно трепетали передъ Фисуномъ Луговой: были часы, когда нужно было отложить отъ поносенныхъ трудовъ и подкрѣпить силы для дальнѣйшихъ, когда закуска, чаепитіе и куреніе тютюна почти совсѣмъ уравнивали Фисуна съ Луговымъ. Тутъ, сидя подъ лѣстницей за столикомъ, они бесѣдовали, рѣзали жирный хлѣбъ, чистили тарань и заваривали фруктовый чай въ жестяномъ чайникѣ совсѣмъ какъ простые, одинаковаго ранга люди. Тутъ объемилда ихъ еще и незнаютъ къ сторожамъ, которые и Лугового не очень-то жаловали, а кромѣ того — глубокая отчужденность архива отъ всѣхъ прочихъ отдѣленій управы: твердо держались эти архивные кроты, — и Фисунъ, конечно, особенно твердо, — того убѣжденія, что низъ и верхъ суть два совершенно разныхъ міра, то въ нѣки вѣковъ не расти двумъ колосьямъ въ ухо ...вень, что до сконченія временъ пребудутъ большіе и малые, власть и подчиненіе, что направно молокососы потѣшаются надъ мудрыми... и вѣрой и правдой служили этому убѣжденію, одинъ — властвуя, а другой — подчиняясь.

Угрюмы были, эти темные люди! Знать не хотѣлъ Фисунъ того новаго міра, въ который пошалъ онъ, старозавѣтный человѣкъ. И мы, молокососы, не только пожимали плечами, но порой и негодовали: смѣшенъ и странемъ былъ въ нашемъ мірѣ этотъ выходецъ изъ міра опекунскихъ совѣтовъ! Конечно, времена были тогда глухія, архиреиственныя: но вѣдь все-таки были мы земскіе люди. А наше земство было въ тому-же не просто: на всю Россію славилось свободолюбіемъ, демократичностію. И въ ту пору тоже находился вишу, но и уже былъ на порогѣ, на выходѣ изъ своего подземелья, и не куда-нибудь, а въ самое горнило управы — въ статистику. Я былъ тоже не великъ господинъ, но и уже былъ вхожъ въ тотъ чуждый, заповѣдный для Фисуна и Лугового міръ гдѣ жили пытались совѣмъ не тѣми идеями «времена Очакова и покоренія Крыма», что въ архивѣ, — гдѣ со стѣнъ предсѣдательскаго кабинета глядѣли лица украшенныхъ великолѣпными бакенбардами дѣятелей «эпохи великихъ реформъ», гдѣ въ двухсвѣтной залѣ собранія, передъ очами красавца Царя-Освободителя, но весь постъ изображенного стоящимъ на зеркально-лаковомъ полу, отъ самаго начала шестидесятыхъ годовъ и до дней глубокой старости Фисуна смѣло звучали голоса «шестилѣтнихъ лѣтъ стаи славной», гдѣ съ устъ одного Станкевича, могикана этой стаи, разлелось столько бодрыхъ и красивыхъ призывовъ къ «забытымъ сновамъ», къ добру, къ правдѣ, къ гуманности, къ неукоснимому слѣдованію по терпистому пути русской гражданственности.... И потому, досадно и смѣшно было мнѣ, молокососу, видѣть въ этомъ мірѣ, и на обратномъ пути проходимому подъ лѣстницей, глядѣть на своихъ столь архаическихъ сослуживцевъ! Бывали минуты, когда даже не смѣялся мнѣ хотѣлось: а подойти къ Фисуну и Луговому и какнуть вибудь однимъ словомъ, однимъ жестомъ, въ родѣ крепкаго рукопожатія, заставить воспрянуть духомъ и этихъ людей, добросовѣстно гнувшихъ свои выи, дать имъ почувствовать, какъ не-

Пока же приведем краткимъ конспектомъ, въ обработкѣ для дѣтей и юношества.

2.

Бурная жизнь Мишеля Бепуа состоитъ, собственно говоря, изъ трехъ главъ.

Первой, когда онъ былъ еще просто Мишей, который тихо формировался на террасахъ парижскихъ кафэ и въ дансингахъ.

Второй, когда онъ сталъ Михаиломъ, и началъ формировать русскую частную оперу.

И третьей, когда онъ сдѣлался форменнымъ Мишелемъ, въ широкополой ковбойской шляпѣ, красномъ галстукѣ и отчаянныхъ замшевыхъ штанахъ, застегивающихся сбоку.

Первая глава ничего собой замѣчательнаго не представляетъ.

Миша сидѣлъ въ кафэ, въ той самой коричнѣ отъ смокинга, въ которой онъ и родился, и по очереди перепивалъ весь прейскъ - курантъ сверху до низу.

Очень былъ мальчикъ любознательный и общительный.

Зато, во второй главѣ онъ уже вытягивается во весь свой ростъ, отпускаетъ ослѣпительныя, на нѣмецкій манеръ подрѣзанныя бачки, надѣваетъ изумительныя черепаховыя очки, доводящія умъ до восторга, и выходитъ на авансцену Елисейской оперы, какъ неподдѣльный маленькимъ сынъ и диктаторъ.

На хористокъ оретъ, на хористокъ плюетъ, на режиссеровъ стукъ кулаками кидается, и вообще рычитъ рычаніемъ льва, несмотря на ангинуры и мелодесть.

Пробѣвали его уволенить, къ благородству взывали — подумайте, что на дѣлаете!.. всю русскую частную оперу погубить можете!..

А онъ еще больше свирѣпѣетъ:

— Плевать мнѣ на всѣхъ окружающихъ съ четвертаго яруса! И я въ чаяности, что самъ ужъ до такой крайней степени окажется робокъ во второмъ этажѣ упраны, что онъ, будучи такимъ робкимъ и отъ природы, и въ силу давней привычки трепетъ передъ вторыми этажами, будетъ перейдетъ всякія границы свободы, и что дѣло кончится скандалъ?

Произошла эта смерть слѣдующимъ образомъ:

Служитъ я первый годъ, служилъ второй, третій... а Фисунъ шестьдесятъ шестой, шестьдесятъ седьмой. Время, повторяю, было трудное, — недаромъ обжора и пьяница, но либеральнѣйшій человѣкъ, старый врачъ губернской земской больницы, говорилъ: «Бывали хуже времена, но не было подлѣе»; время было темное, но вѣдь ужъ извѣстно, что «чѣмъ ночь темнѣй, тѣмъ ярче звѣзды», что «самая густая тьма — предъ разсвѣтная». И мы вѣрили въ этотъ грядущій разсвѣтъ и все болѣе укрѣплялись въ близкомъ пришествіи. А Фисунъ попрежнему твердо держался своего — того коснаго убѣжденія, что двумъ колоснымъ въ уровень никогда не расти. Однако, буквально каждый годъ приносилъ поражеріе за пораженіемъ этому болѣ неубѣдному: съ какимъ годомъ все бодрѣе звучали голоса и старыхъ земскихъ бойцовъ, и идущихъ на смѣну имъ. И вотъ, наконецъ, чуть не поголовно всѣчки, ежегодно собиравшимися въ ноябрѣ въ двухсвѣтной залѣ нашей управы, овладѣли знаменитыя «весенніе мечтанія». А когда изъ-за рѣдѣющихъ зимнихъ облаковъ выглянуло и само весеннее солнце, когда полетѣли въ поднебесье первыя птицы и крѣпко затрещалъ кое-гдѣ ледъ, сковывавшій потокъ вольныхъ воды,—эти мечтанія, прилѣнувъ къ сердцамъ, вылились уже въ опредѣленную форму: въ форму страстныхъ протестовъ, пожеланій, требованій и самыхъ зажигательныхъ рѣчей! До самыхъ подземелій управы проникъ горячій весенній свѣтъ, и Фисунъ, хотя и растерялся не-много отъ этого свѣта, невольно заслуглуръ

правы они въ своемъ страхѣ передъ тѣмъ міромъ, что наверху. Но нужно было видѣть, какими холодными взглядами провожали меня Фисунъ и Луговой, когда я, разнузданно спустившись изъ этого міра, проходилъ мимо ихъ въ библіотеку! Да вообще, холодные-то взгляды были бы еще туда-сюда: бѣда въ томъ, что дѣло обстояло еще хуже. Но одну враждебность ко мнѣ, не одно презрѣніе къ моей развязности чувствовалъ Фисунъ: нѣтъ, несмотря на мой низкій чинъ, онъ непрезрѣнно поднимался съ мѣста, когда я проходилъ мимо, и вытягивалъ руки по швамъ, старался разогнуться и получше уставить свои кавалерійскія ножки, до колѣнъ погруженныя въ прямыя и широкія голенища. Ему чудилось сіяніе вокругъ головы того, кто спустился въ эту темную архивную вдоль съ горнихъ высотъ, онъ зналъ, что самъ предсѣдатель почему-то подаетъ мнѣ руку, что «какъ равный куро и болтаю съ секретаремъ—и чувствовалъ, что вмѣстѣ со мною какъ-бы дохнулъ и то него нѣкое вѣяніе оттуда, гдѣ обитала та самая власть, у подножія которой столько лѣтъ пресмыкался онъ, и чей властелинъ, хотя и очень малою, сознавалъ онъ порой и себя самого.

И вотъ и мы рядомъ двѣ совершенно разныхъ жизни — наша и техника. Бѣгъ и стояли мы съ этимъ упрямымъ и потѣшнымъ старичкомъ каждый на своемъ коньѣ въ своихъ совершенно разныхъ убѣжденіяхъ... какъ вдругъ старичекъ взядъ да и умеръ! Смерть его, какъ и всякая смерть, конечно, не могла быть потѣшной, — вѣдь все-таки горько плакала старушка на дворѣ гдѣ хаты въ предмѣстьѣ, нагрѣвая шестой солдатскіе сапоги и не желая разставаться съ надеждой, что хозяинъ ихъ поднимется и опять поцѣлуется въ архивъ — но что эта смерть была не менѣе странной, чѣмъ и жизнь Фисуна, съ этимъ, надѣюсь, согласится всякій. Произошла она, правда, отчасти по нашей винѣ: мы вѣдь все-таки на нѣкоторое время сломили его упрямство, заразили его своей вѣрой въ торжество свободы и равенства; да вѣдь кто-же могъ знать, что онъ ужъ до такой крайней степени окажется робокъ во второмъ этажѣ управы, что онъ, будучи такимъ робкимъ и отъ природы, и въ силу давней привычки трепетъ передъ вторыми этажами, будетъ перейдетъ всякія границы свободы, и что дѣло кончится скандалъ?

Произошла эта смерть слѣдующимъ образомъ:

Служитъ я первый годъ, служилъ второй, третій... а Фисунъ шестьдесятъ шестой, шестьдесятъ седьмой. Время, повторяю, было трудное, — недаромъ обжора и пьяница, но либеральнѣйшій человѣкъ, старый врачъ губернской земской больницы, говорилъ: «Бывали хуже времена, но не было подлѣй»; время было темное, но вѣдь ужъ извѣстно, что «чѣмъ ночь темнѣй, тѣмъ ярче звѣзды», что «самая густая тьма — предъ разсвѣтная». И мы вѣрили въ этотъ грядущій разсвѣтъ и все болѣе укрѣплялись въ близкомъ пришествіи. А Фисунъ попрежнему твердо держался своего — того коснаго убѣжденія, что двумъ колоснымъ въ уровень никогда не расти. Однако, буквально каждый годъ приносилъ поражеріе за пораженіемъ этому болѣ неубѣдному: съ какимъ годомъ все бодрѣе звучали голоса и старыхъ земскихъ бойцовъ, и идущихъ на смѣну имъ. И вотъ, наконецъ, чуть не поголовно всѣчки, ежегодно собиравшимися въ ноябрѣ въ двухсвѣтной залѣ нашей управы, овладѣли знаменитыя «весенніе мечтанія». А когда изъ-за рѣдѣющихъ зимнихъ облаковъ выглянуло и само весеннее солнце, когда полетѣли въ поднебесье первыя птицы и крѣпко затрещалъ кое-гдѣ ледъ, сковывавшій потокъ вольныхъ воды,—эти мечтанія, прилѣнувъ къ сердцамъ, вылились уже въ опредѣленную форму: въ форму страстныхъ протестовъ, пожеланій, требованій и самыхъ зажигательныхъ рѣчей! До самыхъ подземелій управы проникъ горячій весенній свѣтъ, и Фисунъ, хотя и растерялся не-много отъ этого свѣта, невольно заслуглуръ

своей старые глаза, но уже не могъ не видѣть, не могъ отрицать того, что стало при мнѣ, явнымъ и несомнѣннымъ для всѣхъ. Упрана въ тотъ ноябрь была подобна вешнему улью: съ верху до низу гудѣла она народомъ, среди котораго было и огромное количество постороннихъ начиная съ курсистокъ, студентовъ, врачей и кончая заже обывателями, и, казалось уже не стало никакого различія между низомъ и верхомъ, между больными и малыми: всѣ, отъ первыхъ земскихъ магнатовъ до послѣдняго сторожа, отъ предсѣдателя уѣзднаго земства до Лугового, жаждали заключить другъ друга въ объятія, чтобы уже однимъ потокомъ, въ одной рѣкой двинуться впередъ. «Свобода! свобода!» — звучало повсюду, и вотъ на этотъ-то кличъ и двинулся. Въ изумленію всѣхъ, Фисунъ: поднялся не холостымъ, восковымъ умамъ свернутымъ краснымъ платкомъ, выползъ, горбясь и сѣдлая на ноги, касаясь хвостомъ сиджа на голенищъ, изъ своихъ подземелій, добрался до лѣстницы, по всю ширину крытой красныхъ сукномъ, — и, хотя и очень медленно, но упрямо сталъ подниматься наверхъ, къ тѣмъ огромнымъ зеркаламъ, туманно-голубымъ отъ табачнаго дыма и отражающимъ въ себѣ цѣлое море народа, что были по бокамъ главнаго входа въ двухсвѣтной залъ собранія. А подымаясь, смѣшался съ шумными, поедино слитыми въ одну массу народными толпами, вокругъ сталъ бродить по коридору, по отдѣленіямъ, по кабинетамъ — и узрѣлъ таки, наконецъ, самого Златоуста нашего, самого Станкевича.

И ахъ какъ говорилъ Станкевичъ въ этотъ день! Смѣлое и гордое рвѣніе пристуномъ итти на твердыню стараго міра уже созрѣло, — оставалось только прочить въ полную чашу ту драгоцѣнную каплю, что переливаетъ влагу черезъ край. И звучно провозглашалъ предсѣдатель двоинства, предсѣдатель собранія, терпящійся за моремъ головъ въ туманно-голубомъ залѣ, у блистающаго золотомъ, закомъ и

красками царскаго портрета, что принадлежитъ слово Алексѣю Алексѣевичу Станкевичу, и среди благоговѣйной тишины поднялись изъ среды сидѣвшихъ за безконечно-длинными столомъ могучая и сѣдовласая фигура «льва русской гражданственности». Онъ и наружностью похожъ былъ на льва. Правда, уже сѣдѣвъ годами и думами, лицомъ очень красенъ, изобиленъ важно-печаленъ и тускла; поднялся медленно, концами дрожащихъ красныхъ пальцевъ оперся на столъ, крытый зеленымъ сукномъ, заговорилъ сперва тихо, раздѣльно... Но какая увѣренность звучала въ этихъ тихихъ, раздѣльно произносимыхъ словахъ, какая буйная грива сѣдыхъ кудрей взвихнулась надъ высокимъ челомъ, висящимъ на плечи, обленченныя въ простой черный сюртукъ! А какъ потомъ окрѣпъ голосъ оратора, какъ зазвучалъ сталью, призывая безъ страха и сомнѣнія впередъ, на борьбу, какъ поверхъ этотъ голосъ всю залу, вплоть до переполненныхъ хоръ, сперва въ жуткое молчаніе, а послѣ въ неистовый восторгъ, прерывавшійся бѣшеными кликами, — того и описать невозможно!

Самъ потрясенный своей рѣчью и разбитый усталостью, но торжествующій, засыпанный аплодисментами и цвѣтами съ хоръ, опустился Станкевичъ на свое мѣсто и долго, блѣдный и важный, какъ-бы ничего не видящій, сидѣлъ, откинувшись къ спинкѣ кресла. А потомъ снова приподнялся — и среди почтительно разступающагося земскаго и иного люда со старческой неспѣшностью прослѣдовалъ онъ изъ зала.

Гдѣ былъ въ это время Фисунъ? Не вотъ въ томъ-то и дѣло, что Фисунъ прослѣдовалъ къ той-же цѣли, которая подняла съ мѣста Станкевича, еще ранѣе. Фисуну, долго стоящему у входа въ залъ, за плечами сгрулившейся толпы, ровно ничего не было слышно. И, уставъ стоять, чувствуя дремоту, онъ медленно, но довольно свободно опять побрелъ по коридору. И, дойдя до конца его, постоялъ въ раздумьѣ, сонно глядя на дверь, за которую смѣли прежде заглядывать только предсѣдатель, гласные да высшіе чины управы; а затѣмъ, притуже сумнившись, взялся за ея скобку,—можетъ быть, даже и не въ силу прямой потребности: и, затворившись на крючокъ, долго-долго пробылъ за этой дверью.

Не будь онъ глухъ, не завяжи онъ платкомъ ушей, слышалъ-бы онъ, несчастный, что чья-то рука нѣсколько разъ дергала за скобку, тянула къ себѣ дверь, и что кой-то недовольный, тоже старческій голосъ бормоталъ что-то. Но онъ былъ глухъ, глухъ и повязанъ платкомъ! Былъ онъ, кромѣ того, очень неспоръ въ движеніяхъ, потребныхъ для приведенія своего костюма въ порядокъ... Когда-же онъ одолѣлъ все это и распахнулъ дверь, то увидѣлъ, что передъ нимъ — самъ Станкевичъ! И застыли, замерли два старика другъ передъ другомъ, — первый отъ изумленія и негодованія, а второй отъ ужаса.

— Какъ? — медленно выговорилъ первый, выкатывая глаза и нагибаясь. Какъ? Такъ это ты, негодяй, сидѣлъ тамъ?

— Никакъ нѣтъ, — хотѣлъ выговорить второй, тоже выкатывая глаза, — и не могъ: и отъ страха, и отъ того, конечно, что ужъ слишкомъ бы это не соотвѣтствовало истинѣ.

— Какъ? Ты осмѣлился забраться въ господскую уборную? — еще медленнѣе выговорилъ первый, наливаясь подъ своей бѣлоснѣжной сѣдиной кровью и наступая.

— Никакъ нѣтъ. — безмысленно пролепеталъ второй, блѣдѣя, какъ смерть, и прижимаясь къ стѣнѣ, вѣдая на свои голенища, на свои отнявшіяся отъ ужаса ноги.

— Да ты кто такой? — бѣшено крикнулъ первый, затопавъ въ ярости ботинками.

Но второй, выпучивъ глаза, сталъ похожимъ на зайца, благодаря хвостикамъ платка, торчавшимъ на его макушкѣ, ужо и лепетать не могъ...

Конецъ этой трагикомической исторіи вы знаете: будучи черезъ часъ послѣ этого доставленъ въ безсознательномъ состояніи домой, Фисунъ слегъ въ постель, а черезъ недѣлю и душу Богу отдалъ, въ первый и послѣдній разъ пробѣжавъ во второмъ этажѣ управы, въ первый и послѣдній разъ пробѣжавшись на извозчикѣ... Смерть его, равно какъ и другія нѣкоторыя событія, послѣдовавшія вслѣдъ за весенними мечтаніями, конечно, не замѣнила нашихъ идеаловъ, не угасила нашей вѣры въ грядущее торжество этихъ идеаловъ. Но это она отчасти смутила кое-кого изъ насъ, — въ томъ числѣ и меня, — въ этомъ я не могу не признаться. Идутъ дни, годы; а я иногда-иногда и вспомню эту смерть. И какъ уже не мало прошло этихъ дней и годовъ, то не мало и сомнѣній закралось въ мою душу. Я, напримѣръ, всецѣло присоединялся теперь къ тому великому мнѣнію, какое питалъ покойный Фисунъ къ архивамъ. Равенство-то равенствомъ, а очень правъ онъ былъ, что не мыслимъ безъ архивовъ жизнь, и что надо, надо оберегать ихъ, ибо, если-бы ихъ не было, если-бъ не существовало Фисуновъ, какъ бы сохранился вотъ хоть этотъ листокъ, на которомъ пишу я бѣдную и жалкую Любѣсть Фисуна? А при Фисунахъ онъ, конечно, сохранится и, конечно, попадется кому-нибудь на глаза, и чѣмъ позднѣе, тѣмъ лучше: рѣзче ударитъ въ глаза всякаго человѣка строки этой старой исторіи. Фисунъ говорилъ: «А ежели справка понадобится?» Такъ вотъ, если понадобится справка о нашемъ времени, пригодится, можетъ быть, и эта моя справка о немъ.

Ив. Бунинъ.

„Большія національныя скачки" въ Ливерпулѣ

Лондонъ, 29 марта.

Вчера въ присутствіи 250.000 зрителей въ Ливерпулѣ состоялись «Большія Національныя Скачки», одно изъ самыхъ популярныхъ спортивныхъ состязаній въ Англіи. Носитъ эти скачки названіе «львольскихъ», потому что препятствія необычайно трудны какъ для лошадей, такъ и для жокеевъ. Это видно изъ того, что въ 1928 г. изъ 42 лошадей, начавшихъ скачки, къ финишу пришли только 2, въ 1929 г. изъ 66 лошадей — 9, въ 1930 г. изъ 41 лошади — 5.

Наплывъ туристовъ въ Ливерпулѣ былъ огромный. Наканунѣ скачекъ не только всѣ отели были переполнены, но люди спали на билліардныхъ столахъ, въ кафэ на полу, въ ваннахъ и въ привезенныхъ съ собой палаткахъ.

Изъ всѣхъ большихъ городовъ Англіи въ Ливерпуль были отправлены спеціальные аэропланы - такси. Среди нихъ 2 аэроплана - гиганта, по 22 пассажира въ каждомъ. Любопытно, что большинство прилетѣвшихъ на аэропланахъ — женщины.

Но рекордъ побилъ одинъ ливерпульскій гражданинъ, пріѣхавшій изъ Сахары. 15 дней онъ находился въ пути, чтобы поспѣть во время въ Ливерпуль. Съ тѣхъ поръ, какъ ему исполнилось 12 лѣтъ, онъ не пропустилъ ни одного состязанія и, находясь въ этомъ году въ Сахарѣ, бросилъ всѣ свои дѣла и примчался въ родной городъ.

«Нашъ отвѣтъ папѣ»

Ихъ отвѣтъ папѣ, арх. кентерберійскому и всему міровому общественному мнѣнію, единодушно поотвѣтствующему противъ религіозныхъ гоненій. Демонстрація комсомольцевъ въ день, когда въ церкви Св. Петра папа служилъ искупительную мессу за Россію.

Русская посольская церковь въ Вѣнѣ, которую, по слухамъ, большевики собираются продать.

Библіотека проф. Зелигмана

Нью-Іоркъ, 29 марта.

Извѣстный экономистъ проф. Зелигманъ, давно уже вѣдъ переговоры съ японскимъ и совѣтскимъ правительствами о продажѣ своей библіотеки, насчитывающей свыше 50.000 томовъ и рукописей. Цѣнность библіотеки огромна. Пріобрѣло библіотеку правленіе колумбійскаго университета, уплативъ Зелигману 500 тысячъ долларовъ.

Въ библіотекѣ Зелигмана есть подлинныя письма Адама Смита, Джона Стюарта, Милля, Давида Юма и много другихъ рѣдкостей. Проф. Зелигманъ свою библіотеку собиралъ въ теченіе 50 лѣтъ.

Дядя Генриха Гейне

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ СИМОНА ГЕЛЬДЕРНА

Въ одномъ изъ вышедшихъ недавно въ Іерусалимѣ научныхъ сборниковъ въ, первый разъ опубликованы письма на еврейскомъ языкѣ Симона Гельдерна, дяди по матери Генриха Гейне, оказавшаго огромное вліяніе на воображеніе и творчество великаго поэта. Письма эти проливаютъ новый свѣтъ на эту, столь интересную для 18-го вѣка фигуру, соединяющую въ себѣ свантюриста и мечтателя, каббалиста и чудотворца и предвозвѣстника Дона Жуана, разбойничьей шайки.

Родившійся въ богатой, но ортодоксальной еврейской семьѣ, Симонъ Гельдернъ съ ранней молодости проявлялъ склонность къ иной, свободной жизни. Еще мальчикомъ онъ исчезалъ нѣсколько разъ изъ дому и подолгу пропадалъ, пробираясь изъ города въ городъ. Молодымъ человѣкомъ онъ много путешествовалъ, обошелъ всю Европу и всюду имѣлъ большой успѣхъ, особенно у дамъ, которыхъ плѣнялъ красотою, умомъ и прекрасными манерами. Но жизнь блестящаго свѣтскаго кавалера въ одинъ прекрасный день ему надоѣла — онъ бросилъ все и уѣхалъ въ Палестину, гдѣ собирался впервыя заняться земледѣліемъ, но вмѣсто этого, увлекшись еврейской мистикой, поселился въ Сафедѣ и занялся изученіемъ каббалы.

Салонный левъ очень скоро превратился въ аскета, проводившаго время въ постѣ и молитвѣ: слава о немъ какъ о великомъ каббалистѣ и чудотворцѣ распространилась по странѣ. Но неугомонный духъ Симона Гельдерна и здѣсь не нашелъ покоя. Онъ бросаетъ Палестину, ѣдетъ въ Триполи, но по дорогѣ въ Алеппо останавливаетъ въ плѣнъ къ какимъ то кочевникамъ и, благодаря своимъ мистическимъ познаніямъ, становится докторомъ-чудодѣемъ, а затѣмъ и предводителемъ этого племени, занимавшагося главнымъ образомъ грабежомъ.

Вольная, полная опасностей жизнь нѣкоторое время увлекаетъ его, но не надолго. Захвативъ съ собой награбленное добро, онъ бѣжитъ и черезъ нѣкоторое время опять появляется въ Каирѣ, но уже въ образѣ таинственнаго чудотворца, въ тюрбанѣ и восточномъ одѣяніи. Таинственное происхожденіе его богатства, туманные намеки на какіе то имѣющіяся въ его распоряженіи талисманы и амулеты, съ помощью которыхъ можно открывать клады и обнаружить его личности, все это создаетъ вокругъ него ореолъ мага. Одно время онъ жилъ во Франціи, гдѣ былъ знакомъ съ Вольтеромъ и бывалъ принятъ даже въ Версальскомъ дворцѣ, затѣмъ переѣхалъ въ Германію, гдѣ тоже вращался въ высшемъ обществѣ, по прежнему всюду окруженный особенно почтительнымъ поклоненіемъ дамъ. Романъ съ одной изъ этихъ высокопоставленныхъ поклонницъ оказался для него фатальнымъ.

Спасаясь отъ преслѣдованій, онъ ночью, верхомъ, съ опасностью для жизни, бѣжитъ изъ Германіи, бросаетъ тамъ все свое имущество, и опять появляется въ Палестину, страну своихъ мечтаній, съ которой все время не прерываетъ общенія. Послѣ труднаго, полнаго опасностей переѣзда, онъ добирается до Іерусалима, но попадаетъ туда въ моментъ кроваваго столкновенія арабовъ съ евреями, вынужденъ бѣжать, съ трудомъ добирается до Сиріи и оттуда плаваетъ въ Европу. Сопровожденъ слѣдомъ, долго ѣдетъ по Италіи до Франціи, оттуда въ Англію и, наконецъ, въ крошечный эльзасскій городокъ, въ которомъ провелъ свои послѣдніе дни, ѣдетъ и заканчивалъ свой сравнительно рано — въ 55 лѣтъ — бурная, полная приключеній жизнь этого блестящаго свантюриста.

На рю Дарю

Сегодня въ русской церкви на рю Дарю за литургіей А. П. Можухинъ исполнитъ «Вѣрую» соч. Архангельскаго. Начало въ 10 ч. утра.

Коллекція автографовъ

Нью-Іоркъ, 29 марта.

Филармоническое общество получило въ даръ 250 автографовъ знаменитыхъ европейскихъ композиторовъ, собранныхъ Натаномъ Фрэнко, директоромъ Метрополитенъ - Оперы. Въ коллекціи автографы Шумана, Вагнера, Россини, Верди, Грига и др. Большинство писемъ никогда не были опубликованы, хотя имѣютъ большой историческій интересъ.

Снѣгъ въ Чикаго

Чикаго, 29 марта.

Количество выпавшаго въ городѣ снѣга исчисляется въ 2 милліарда тоннъ. Снѣгъ на улицахъ достигаетъ толщины 50 саж. Во многихъ мѣстахъ прекращено не только трамвайное, но даже автомобильное движеніе. 1.500 трамваевъ неподвижно стоятъ въ паркахъ, не имѣя возможности циркулировать по городу. Въ теченіе двухъ дней закрыты школы. Отъ снѣга грозитъ обвалиться крыши. Вчера городское управленіе наняло 40.000 человѣкъ среди безработныхъ для снѣгоочистительныхъ работъ, платя имъ по 1 доллару въ часъ.

СЕМИНАРЪ ТЕОРІИ И ФИЛОСОФІИ ПРАВА

2 апрѣля, въ 8 ч. веч., въ институтѣ славянофильства (9 рю Минэ) состоится докладъ проф. А. Л. Байкова, на тему: «Культура и право».

Жизнь и Слово

Еженедѣльный Иллюстрированный

Журналъ для всѣхъ

Основанъ въ С.-Петербургѣ въ 1913 г.

ПЕРВЫЙ НОМЕРЪ ПО ВОЗОБНОВЛЕНІИ

выйдетъ въ Парижѣ 12-го апрѣля

Редакція: 24, rue Chanchat, Гл. Контора: 46, rue de Provence

Tél. Prov. 04-31, 04-32. Tél. Trinité 08.04.

SOIERIES POLAFAR

M. Г. КОЛОДНЫЙ и Г. Б. ГЕРШЕЛОВИЧЪ

25, rue Louis-le-Grand, 25 Mét.: Opéra et 4-Septembre.

Tél.: Gutenberg 48-13 et 48-14.

БОЛЬШОЙ И РАЗНООБРАЗНЫЙ ВЫБОРЪ

шелковыхъ тканей

Конкурсъ эмблемы Лиги Націй

На международный конкурсъ эмблемы Лиги Націй, закрытый 31 декабря 1929 г., поступило свыше 3000 рисунковъ, макетовъ и проектовъ. Жюри не признало ни одного проекта достойнымъ перваго приза. Второй призъ получили: Готфридъ Нейбекеръ (Берлинъ) и Поголтий (Вѣна). Третій призъ: Гастонъ Биффетъ (Бернъ), Тобіасъ Швабъ (Берлинъ) и профессоръ Бебекъ (Константинополь).

Въ брюссельскомъ дворцѣ изящныхъ искусствъ открыта выставка проектовъ и рисунковъ. 100-150 лучшихъ проектовъ будутъ выставлены въ началѣ іюня въ Женевѣ.

Косгрэвъ

Глава только что павшаго въ Ирландіи правительства.

Дѣло Тевфикъ-паши

Извѣстный турецкій государственный дѣятель Ибрагимъ Тевфикъ - паша послѣ перехода власти къ Кемаль-пашѣ эмигрировалъ и поселился въ Парижѣ. Владѣлецъ одного большого модного дома на рю де Ла Пэ предъявилъ искъ къ бывшему турецкому министру иностранныхъ дѣлъ. Жена Ибрагима Тевфикъ-паши заказала нарядовъ на крупную сумму, но мужъ отказался платить по ея счетамъ.

Дѣло это слушалось въ 5-й камерѣ гражданскаго суда. Интересы Тевфикъ-паши защищаютъ адвокатъ Анри - Миллье, модного дома — Бріо. Адвокатъ Тевфикъ-паши заявляетъ, что по турецкимъ законамъ, имущество мужа и жены раздѣльно. Тевфикъ-паша — турокъ, женился въ Турціи и потому платить за долги жены не намѣренъ.

Приговоръ будетъ вынесенъ черезъ недѣлю.

Непринятыя рукописи не возвращаются, и ни въ какую переписку по поводу нихъ редакція не вступаетъ

Maisonnette des Comediens Russes

Сегодня и каждое воскресенье

Музыкальные завтраки

36, rue Vivienne.

ПРИСЯЖ. ПЕРЕВОД. ПРИ СЕНСКОМЪ ГРИФУНАЛѢ. Перев. докум. Натурализ. Фор-мы по закону. брак. Юридич. акты и договоры, патенты, страх. и юрид. совѣты. Всевозм. поруч. живущ. внѣ Парижа M. Gutze khovsky. 26, r de Rivoli, tél. Arch. 72-17; 6-8 ч. 30 м, воскр. 10-12 и sur rendez-vous

СТУДІЯ ИРИСЪ

Самоубійство въ церкви

Въ 10 час. утра въ пятницу, рѣзкіе молящіеся въ церкви Сенъ Филиппъ-ю Руль были испуганы внезапно раздавшимися четырьмя револьверными выстрѣлами. Въ то же мгновеніе какой то человѣкъ съ крикомъ бросился къ ногамъ священника, выходившаго изъ исповѣдальни.

— Я покончилъ съ собой. Дайте мнѣ отпущеніе.

Преодолѣвъ волненіе, священникъ произнесъ слова отпущенія.

Самоубійцу немедленно отвезли въ госпиталь Божонъ, гдѣ онъ черезъ нѣсколько минутъ скончался, отказавшись разговаривать съ докторомъ и съ полицейскимъ комиссаромъ.

Личность самоубійцы неизвѣстна. Въ карманахъ его не найдено никакихъ бумагъ, кромѣ письма, адресованнаго одному парижскому священнику. Письмо переслано по назначенію, но содержаніе его пока неизвѣстно властямъ. Трупъ отвезенъ въ анатомическій театръ для вскрытія.

Церковь Сенъ Филиппъ ю Руль, согласно каноническимъ правиламъ, была закрыта въ теченіе сутокъ. Вчера днемъ, по распоряженію архіепископа Вернье, въ ней была произведена «очистительная церемонія», и съ вечера возобновились богослуженія.

Французскія кружева

Демонстрація протеста въ Кале

Въ пятницу въ Кале на 2 часа закрылись всѣ магазины, конторы и фабрики въ знакъ протеста противъ увеличенія американской таможней ввозныхъ пошлинъ на французскія кружева. Протестанты, въ числѣ 20.000 — рабочіе и собственники фабрикъ — собрались на площади Кревкеръ и дефилировали затѣмъ передъ городской думой. Спеціальная делегація вручила хору письменный протестъ, требуя принять мѣры «къ защитѣ національной промышленности Франціи».

Коммунисты пытались воспользоваться демонстраціей и вызвать безпорядки, но попытка ихъ успѣха не имѣла.

Месторино умеръ?

По частнымъ свѣдѣніямъ, полученнымъ вчера въ Парижѣ, убійца Трюфема, Месторино, приговоренный къ безсрочной каторгѣ, умеръ въ Гіанѣ.

Бесѣды по русской культурѣ

5 апрѣля въ 8 час. 30 мин. вечера въ залѣ Гало (45, рю де ла Боэси) состоится бесѣда, устраиваемая Муз. Николаю Народному Университета.

Бесѣда посвящается жизни и творчеству одного изъ самыхъ популярныхъ за границею русскихъ композиторовъ — М. П. Мусоргскаго.

Докладъ на тему: «Жизнь и творчество М. П. Мусоргскаго» сдѣлаетъ проф. Музыкальной Школы А. Г. Чесноковъ. Музыкальную иллюстрацію любезно согласились взять на себя г-жа Клео-Кариди и извѣстный артистъ А. Н. Можухинъ.

Билеты по 5 и 4 фр. продаются въ Канцеляріи Университета 163, рю де Сэвръ и въ кн. магаз. Арбузова 22, рю Д-Анжу.

ОБЪЕДИНЕНІЕ ЧИНОВЪ БРОНЕВЫХЪ АВТОМОБИЛЬНЫХЪ ЧАСТЕЙ

Сегодня, въ 4 часа дня, въ помѣщеніи союза галлиполійцевъ, 81, рю Малемуазель, назначено общее собраніе объединенія. Въ виду важности вопросовъ, подлежащихъ обсужденію на этомъ собраніи, желательно присутствіе всѣхъ членовъ. За справками обращаться въ полковн. Шеголеву, въ союзъ галлиполійцевъ.

LE PASSE

Galerie d'Art Ancien.

H. КЕНИГСБЕРГЪ

74, Faubourg St-Honoré, tél. Elysées 65-53.

Спеціальный отдѣлъ русской художеств. старины

Фарфоръ, Мебель, Люстры Louis XVI

Русскіе портреты, серебро, гравюры

Покупаю по наивысш. цѣнамъ первокл. русск. вещи

ПОКУПКА ВЪ ПРОДАЖѢ И ЗАГРАНИЦЕЙ

Экспертиза Оцѣнка

Шахматы

СОВШАХИДЕОЛОГІЯ

Все предубѣжденіе противъ шестерниной фразеологіи совѣтскихъ идеологовъ не можетъ отравить удовольствія, которое испытываешь, при чтеніи новаго томика «Общедоступной Библіотеки», заключающаго "Шахматы и культработу". Я. Г. Рохлина. Какъ прекрасны шахматы — вотъ первая мысль, которая приходитъ при этомъ въ голову. Не только они доставляютъ наслажденіе играющимъ, но ими все можно: бороться съ тяжелыми суевѣріями и побѣждать неграмотность. И какіе въ сущности мечтатели - идеалисты эти люди, выдающіе себя за реалистовъ! Они работаютъ словно въ безвоздушномъ пространствѣ, словно имѣютъ дѣло не съ живыми людьми, а съ какими то мертвыми поле-рами, лишенными для всего указки изъ цент-ра и повторяютъ съ какой то лѣтской вѣрой опытъ, давно уже повсюду испробованный. Не вредятъ дѣлу даже наивныя разсужденія автора объ искусствѣ—они въ тонѣ кни-ги выдумки про наримэ, при которомъ будто бы не допускалась мысль, что рабочій можетъ играть въ шахматы; это нужно, оче-видно.

Поневолѣ, однако, различаемъ комиче-скія черточки. Такъ при распредѣленіи ко-ка тегоріямъ въ СССР принимается во вниманіе не только сила игроковъ, но и ихъ об-щественное, политическая физіономія, или что вѣроятно - общественное значиніе въ СССР, но въ Шахинтерпѣ не помѣшали имъ уже че-резъ немного лѣтъ перегуляться. Замѣчаемъ также и рядъ невѣрныхъ свѣдѣній, кото-рыя приводятся о "заграницѣ". Напримѣръ, авторъ говоритъ о дороговизнѣ чешскихъ изданій, забывая упомянуть, что во фран-цузской Федераціи онъ равняется 6 фр.; онъ видитъ въ Западной Европѣ ставку на сильныхъ мастеровъ просто потому, что не знаетъ съ повсемѣрной національной шахматной жизнью, о событіяхъ которой, естественно, телеграфируютъ собственные коррес-понденты; укоряя международныя состяза-нія за то, что они организуются курортами и казино, авторъ трижды не правъ. Онъ не вспоминаетъ, что въ СССР состоялся лишь одинъ международный турниръ, что націо-нальныя состязанія устраиваются повсюду клубами и союзами и что Межзунас. Шахм. Федераціи устраиваетъ изъ года въ годъ и международныя соревнованія; наконецъ, что не всѣ рядовые международные турниры устраиваются "ради рекламы". Напримѣръ, Лондонскій 1922, Будапештъ 1925, Парижъ 1929, Нью-Іоркъ 1930 и мн. друг.; и что даже во главѣ ре-кламныхъ всегда стоятъ или директора - шахматисты или шахм. организаціи. Но уже вну-шаетъ странно становится, когда читаешь про "плановую нагрузку", про "инструктажъ", кото-рый даютъ шахматные "методисты".

И все же это не плохая книга, не только полезная для ознакомленія съ организаціей шахматной жизни въ СССР и не ставящая шахматамъ серьезныя цѣли и задачи и посильно ихъ разрѣшающая.

Евг. А. Зн. - Бор.

Д. В. Печоринъ

Докторъ правъ парижскаго университета

консультируетъ по всѣмъ вопросамъ французскаго, русскаго, швейцарскаго и частнаго международнаго права.

Принимаетъ на себя веденіе гражданскихъ, уголовныхъ и административныхъ дѣлъ.

Пріемъ отъ 5 до 7 ч. вечера, кромѣ праздниковъ и субботъ. Tél.: Invalides 07-93.

Адресъ: 9, Avenue de la Bourdonnais Paris (7e)

nos soieries

Наиболѣе значительное, современное предпріятіе по продажѣ матерій для

тонкаго бѣлья и couture

Требуйте посѣщ. русск. представителя и Вы узнаете тѣ преимущества, льготныя условія, которыя мы предост. нашимъ клієнт.

Claude Carette, 29, r. des Petits Champs

Paris (1er) Tél.: Louvre 44-56; Gut. 30-99

ОПТОВЫЙ СКЛАДЪ: **М. Петросянъ**

ИКРА свѣжая зернистая (бѣлуга, осетровая и осеннюжья), паюсная. Астраханская, бакинская и кетовая.

БАЛЫКИ Бѣлорыбій, осетровый и semmon fumé.

РЫБЦЫ, тамата, дагестанск. огурцы.

СЕМГА малосольная Двинская, печерская и лососина.

РЫБА Осетрина, павага, стерлядь, форель и сулакъ.

КОНСЕРВЫ Стерлядь, сулакъ, осетрина и др.

57, PLACE ST.-CHARLES, PARIS XV. TEL.: VAUGIRARD 27-77.